

народный педагогический и психологический опыт общения женщины с ребенком. Поэтому любая пестунья, независимо от ее личностных характеристик и способностей, владея этой традицией, могла непосредственно реализовывать заложенную в ней культурную программу развития коммуникации «мать и дитя», становления ребенка как субъекта межличностного общения.

© В. П. Федорова

Курган

ФОРМУЛЫ ЗАГОВОРОВ В КОНТЕКСТЕ НАРОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Взаимосвязь заговоров с другими жанрами фольклора привлекла внимание исследователей в начале XX века. Родство их со сказкой выявила Е. Н. Еленская. В статье «Некоторые замечания по поводу сложения сказок. Заговорная формула в сказке» (Этнографическое обозрение. 1912. № 1/2. С. 189–199) отмечена связь сказочной фантастики с вербальной магией. На широком материале рассматриваются различные заговорные формулы, ставшие необходимыми структурными элементами сказок. Формулы заговоров, вошедшие в сказки, выделялись Е. Н. Еленской основой для изучения развития жанра заговоров.

Для исследования обоих жанров имеет большое значение вывод об устойчивости в них мотивов «выхода героя в путь», «встречи», «получения чудесного предмета». Устойчивость клише выделялась исследовательнице как элемент типового поэтического мышления, обусловленного спецификой мировоззрения.

Родство отдельных мотивов заговоров и духовных стихов выявил Н. Ф. Познанский (Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. Пгр. 1917). Взаимосвязи заговоров с широким спектром фольклорных жанров посвящена статья З. И. Власовой («К изучению поэтики устных заговоров» // Русский фольклор: Русская народная проза. Л., 1972. Т. 13. С. 194–201). В учебнике В. П. Аникина по русскому фольклору поставлена проблема «одаривания» заговоров чудесами и красочностью других жанров (былин, сказок, загадок). Отмечено влияние лирики, песенных прибауток (Русский фольклор. М. 1987. С. 115).

Вопрос о влиянии жанров, первичности или вторичности определенных формул в отдельных жанрах сложен. Обратимся к ряду клише, встречающихся в фольклоре и других формах народного творчества, этикета, быта. В качестве исследуемого материала избирается *благословение*.

Восприятие благословения как сакральной благодати, очевидно, восходит к Библии. Известный персонаж Ветхого Завета Валаам

проклятием мог разрушать, а благословением созидать (Книга Чисел, гл. 22 и сл.)

Значимость благословения постоянно подчеркивалась в Библии и Евангелии: благословение Христом детей, хлеба, апостолов и т.д. В христианском мире благословение не просто разрешение, но и ниспослание божьей благодати. Оно противопоставлено «неблагословию» в соответствии с законом бинарной оппозиции. Благословение распространяется на широкий круг действий, которые, в основном, связаны с началом чего-то или переходным состоянием. В Южном Зауралье бытовал обычай просить прощения и благословения перед расставанием навсегда: при прощании с тяжелобольным или умирающим, а также перед предстоящей дальней дорогой. Формула сводится к следующему: «Прости меня, грешную» – «Бог простит». – «Благослови меня». – «Бог благословит». Этикет требовал обоюдного прощения и благословения (Архив автора) В данном случае благословение имеет не только сакральную содержательность. Оно символически выполняет функцию прощения.

С благословения начинали любую, особенно важную работу. Благословлялось и орудие труда: «Благослови, батюшка, топор». Со словами «Господи, благослови» делали первый шаг на пашне, покосе, уборке урожая, рубке капусты, сватали, «бабничали» и т.д.

Благословение входило в обрядовую жизнь первого года замужества женщины. На всякую работу молодухке требовалось благословение со стороны старших в новой семье. Игнорирование обычая сурово наказывалось. Благословение, по древним верованиям, предохраняло от влияния чужого мира, который принесен молодухкой. Оно играло роль оберега. С разрушением древних обрядовых форм, уже в начале XX века, благословение стало восприниматься молодухками как тягостный обычай, нужный старшим для утверждения власти над молодыми.

Благословение – важный структурно-содержательный элемент в фольклорной системе жанров. В заговорах он играет роль зачина и определяет нравственную доминанту вербальной стороны произведения. Благословение дает понять, что слово и действие направлены на добро. Неблагословение должно вызвать «остуду между мужем и женой», «раздор между новобрачными», «отнять постель» или «отнять молоко».

В сказке, как правило, благословение замыкает сюжет, подводя итог всем действиям. Оно является мотивом, ради которого совершались события. «Батюшка! Благослови жениться» (Аф., № 157) – вот та важнейшая мысль, которая пронизывает сказку и открыто реализуется в развязке. Однако благословение в сказке – редкость. В соответствии с древними языческими воззрениями семья складывалась без благословения. Причины отсутствия его, вероятно, кроются и в специфике

изображаемой волшебной действительности, в которой чудодейственная сила берет на себя все функции, организующие жизнь человека и природы.

Иную структурно-содержательную роль играет благословение в былинах. С благословения начинаются дорога и подвижническая жизнь богатыря. Оно служит завязкой, становясь важным сюжетобразующим мотивом. Мудрый, спокойный Илья Муромец просит благословения у своего отца перед первой поездкой:

Ох, ты гой еси, родиной, милый батюшка!

Дай ты мне свое благословеньце,

Я поеду в славной стольной Кеев-град

Помолится чудотворцам кеевским...

(«Первая поездка Ильи Муромца» // Илья Муромец.

Литературные памятники. Л., 1958. С.25).

Обычай благословляться отражен в былине «Илья Муромец», которая также посвящена первому подвигу этого богатыря:

А говорил ли Илья да отцу-матушке:

— А уж ты, батюшко да и матушка,

А вы давайте-ко благословеньицё,

А вы давайте-ко вы прощеньицё

А мне-ка съездить во Киев-град.

А ко солнышку ко князю ко Владимиру,

А во тыи мне церкви богомольные,

А помолитесь-ко той ли Богородцы.

(«Илья Муромец» // Илья Муромец.

Литературные памятники. Л., 1958. С.69).

Дается также благословение богатырю в былине об исцелении его и поездке в стольный Киев-град. В былинах о других подвигах Ильи Муромца как будто этого мотива нет. Одно благословение распространяется на все последующие подвиги. Полученное благословение есть устойчивая формула разрешения на добрые дела:

Говорила тут родна матушка:

— А уж поедешь ты ли, чадо наше милое,

А ты во славной да во Киев-град,

А не кровав сабли кровавоюй,

А не сироти-ко ты ли ты да малых детушек

А не бесчести-ко ты ли ты да молодых жон!

Илья Муромец характеризуется в былинах богатырем, который знает все правила чести. Он «Крест кладет по писаному // Поклон ведет по ученому».

Завязкой служит просьба Дюка о благословении у матушки ехать к князю Владимиру. До этой просьбы разговор шел о богатстве героя, однако действие начинается только с благословения (Онежские былины. Архангельск. 1983. С.173). Осеня крестом Добрыню, матушка благословляет его на ратный путь. В былинах благословение может

выступать в качестве подведения черты под одним периодом и началом новых деяний. Герой, осознавая пагубность прожитой жизни, просит благословения совершить добрые дела. Много побуйствовав, Василий Буслаев решил просить у родной матушки благословение на поездку по святым местам с надеждой на духовное исцеление.

Просьба благословения в качестве зачина вошла в песни зимнего земледельческого календаря. Она имеет скорее профанный, разрешительный характер, чем сакральный, не случайно заменяясь в вариантах словом «Дозволь». Благословение – важнейшая структурная часть свадебного обряда. Однако в поэзию оно вошло как специфический образ самого дорогого, что может быть на свете: «А мне-ко твое благословение дороже чистого золота».

Благословение – один из важнейших мотивов, играющих роль художественной детали, которая призвана раскрыть внутренний мир, духовность героя, знание им этикета. Благочестие и знание этикета Ильей Муромцем подчеркнуто его стремлением получить благословение у родной матушки. Возраст богатыря, житейская мудрость, знание обычаев раскрываются и в просьбе Даниила Игнатьевича о благословении, адресованной к князю Владимиру. Просьба подводит итог богатырского воинского пути и открывает путь к другому подвигу – монашескому служению. Просьба о благословении уравнивает оба подвига, подчеркивая значимость монашеской жизни во имя святой Руси.

Отношение к благословию раскрывает буйный нрав Василия Буслаева, который сделал попытку благословиться у матушки на путь-дорогу в «Ерусалим-град // Да Господу Богу помолитесь». Однако благословение для него по сути дела – простая формальность, о чем свидетельствует его самоуверенное утверждение:

Да дашь благословение – приду же я,
Не дашь благословение – приду же я,
Тебя я уж, мать, не послушаю.

Легкомысленное отношение к этикету наказывается: «убился Василий Буслаевич и так и кончился на Сорочинской горе». Оно показывает неспособность героя к духовному подвигу и духовному возрождению. Наказывается также безрассудное восприятие благословения Добрыней. В одной из былин он, подобно Василию Буслаеву, заявляет:

Ай же родитель, моя матушка!
А даешь мне-ка прощение – поеду я,
Не даешь мне-ка прощения – поеду я!

(Онежские былины... С.83)

Неосторожность Добрыни привела к беде: князь дал ему непосильную задачу – бороться с Тугариным. Только благословение матери помогает герою в бою.

Просьба о благословении – это один из иерархических приматов, который остается за мотивом богатырства, что подчеркивалось еще

А.П. Скафтымовым (Поэтика и генезис былин. Саратов 1994. С.153). Благословение – мотив, который вызывает симпатии к герою. Оно привлекает слушателей, показывая духовность героя. Благословение в соответствии с центральным заданием былин возвеличивает богатыря. Стабильность данного мотива, его место в композиции, как видим, зависит от значения его в эпическом событии. Таким образом, мотив благословения зависит от традиций жанра. Именно жанром задается не только своеобразие героев, но и специфика композиционных средств. Как отмечал В.Я. Пропп, не только «структура каждого из жанров различна», но и различны в их структуре положение и роль одних и тех мотивов, что и показано исследованием мотива благословения. Данный мотив свидетельствует, что принадлежность к жанру не простая формальность, жанр определяет всю художественную ткань, «иногда очень тонкую, особенно в мелких и мельчайших деталях, которые могут вызвать восхищение мастерством, доставить огромное эстетическое наслаждение...» (Пропп В.Я. Поэтика фольклора. Собрание трудов. Л., 1998. С.36–37).

© Е.Н. Харитонова
Екатеринбург

**ПОНЯТИЕ ДЕВИЧЬЕЙ СУДЬБЫ В РУССКОЙ
НАРОДНОЙ КАРТИНЕ МИРА
(по фольклорно-этнографическим материалам)**

Наша работа представляет собой попытку осмысления, выявления структуры и некоторых свойств понятия девичьей судьбы в русской народной картине мира.

Изучению национальной специфики картины мира посвящен целый ряд исследований (Е.С. Яковлева¹, Г.Д. Гачев², Т.В. Цивьян³ и др.). Особенно активно сегодня изучаются основные понятия «практической философии» (Н. Д. Арутюнова⁴) человека: своего рода культурного слоя, посредничающего между миром и человеком. К числу таких понятий относится понятие судьбы.

Так как деление людей по половозрастному принципу пронизывало традиционное сельское общество⁵, изучение понятия судьбы в русской народной картине мира необходимо осуществлять с учетом половозрастного аспекта.

В результате нашей работы мы пришли к следующим выводам:

1. Главные сущностные характеристики понятия девичьей судьбы – предзаданность и неизвестность.
2. Эти свойства судьбы становятся доминирующими, определяющими специфику мироотношений, этические установки и стереотипы поведения девушки в бытовой и ритуальной сферах. Это обусловлено тем, что в